

Получив рекомендательное письмо в столицу, Цзи Линьси начал спешно собираться в дорогу. Его решение стало полной неожиданностью для учителя Хуая, Главы академии и других наставников — все они полагали, что юноша останется в академии, дабы в тишине и покое продолжать учение.

— Ты и впрямь решил ехать в столицу? — спросил учитель Хуай, не скрывая тревоги. — Блеск этого города ослепляет, а людские помыслы там глубже самого тёмного колодца. Ты направляешься в поместье канцлера, Линьси. Одно неверное слово — и ты можешь поплатиться головой.

Цзи Линьси опустился на колени и совершил почтительный поклон.

— Если я желаю преуспеть на весенних экзаменах, столичная поездка неизбежна. Прошу вас, учитель, и вы, матушка-наставница, берегите себя. Я вернусь лишь тогда, когда смогу порадовать вас добрыми вестями.

Хуай Сююн долго смотрел на своего лучшего ученика, после чего тяжело вздохнул и отвернулся.

— Раз уж ты всё решил, мне тебя не переубедить. Собери вещи, повидайся с теми, с кем считаешь нужным проститься, а вечером ждём тебя дома к ужину.

Тех, с кем юноша хотел бы разделить прощание, было немного, но они всё же имелись. Прежде всего он отправился в городок Сюньюй.

Когда Цзи Линьси ещё трудился в доме семьи Чжао, хозяева относились к нему с большой добротой. Даже когда он уходил на провинциальные экзамены, они по собственной воле прибавили лишних денег к его жалованью. Забыть о таком — значило прослыть неблагодарным, а он не желал давать врагам лишний повод для пересудов.

Купив подарков, юноша переступил порог знакомого дома. Узнав, что их бывший работник не только стал цзеюанем, но и отправляется в столицу за высшим чином, супруги Чжао испытали смешанные чувства. В глубине души они лишь горько сожалели.

«Нет у нашей Юнь-эр такого счастья. Упавший цветок полон чувств, да только поток воды к ним безразличен»

Полюби Линьси их дочь, и она в будущем стала бы госпожой при чиновнике, что куда лучше доли простой рыбачки. Но, с другой стороны, жизнь благородной дамы не так сладка, как кажется: там и правил без счёта, и интриг. К тому же мир полон историй о тех, кто, выбившись в люди, забывал своих благодетелей. Стоило ли ставить на кон сердце дочери? Тем более что

этот человек знал о прошлом Юнь-эр.

Рассудив так, супруги окончательно успокоились.

Цзи Линьси вручил дары, обменялся с ними парой вежливых фраз и собрался уходить. Чжао Юнь вызвалась проводить его. Выйдя за плетёную из бамбука ограду, она остановилась и с некой растерянностью посмотрела на спутника.

В их первую встречу тот, кого она знала под именем Чу Си, был почти таким же, как она сама — бедным, изнурённым нуждой. Тогда казалось, что они оба бесконечно далеки от того сиятельного господина, что посетил их глушь. Теперь же она оставалась прежней Чжао Юнь, а молодой человек преобразился до неузнаваемости: в каждом его жесте, в самой осанке сквозило благородство.

И теперь он уезжал в столицу.

У ворот уже ждала нанятая карета. Линьси собирался подняться в экипаж, но девушка не выдержала и окликнула его. Он обернулся.

— Есть что-то ещё, дева Чжао?

Юнь закусил губу. Ей отчаянно хотелось попросить его, чтобы там, в столице, он хоть краем глаза взглянул, как поживает тот благородный молодой господин. Но произнести такое — значило выдать свою сокровенную тайну. Сглотнув подступившую горечь, она лишь тихо проговорила:

— Ничего. Я лишь хотела пожелать господину доброго пути.

Цзи Линьси с улыбкой поблагодарил её. Вспомнив о том, как семья Чжао заботилась о нём и как сама Юнь когда-то помогла ему, он помедлил. Вместо того чтобы сразу войти в карету, он внимательно посмотрел на девушку.

— Дева Чжао, — заговорил он ровным, почти холодным тоном. — Раз уж в ваших руках находится грамота от властей, значит, судьба даровала вам шанс изменить свою жизнь и подняться наверх. Почему бы вам не воспользоваться им?

— Подняться... наверх? — не поняла та.

Линьси не раз показывал ей свою истинную натуру — натуру человека, готового на всё ради выгоды. Вот и сейчас на его губах заиграла странная улыбка. Он обвёл рукой свои богатые одежды.

— Посмотрите на меня. Если бы я, имея ту тысячу ланов, не вцепился в возможность учиться, не было бы сегодня цзеюаня Цзи, как не было бы и поездки в поместье канцлера. Дева Чжао, неужели вы и впрямь согласны до конца своих дней прозябать здесь, в городке Сюньюй?

Юнь заворуженно смотрела на него.

— В мире много людей, проживающих обычную жизнь, — продолжал он, и в его взгляде вспыхнула неведомая сила, способная подчинять чужую волю. Стоя на подножке кареты и глядя на девушку сверху вниз, он казался почти пугающим. — Я признаю, в простоте есть своё очарование, она дарит покой. Но вам уже семнадцать. Не пройдёт и пары лет, как родители озаботятся вашим замужеством.

— Вас ждёт участь жены и матери. И всю жизнь вы будете терзаться: узнает ли муж о вашем прошлом? А если вы признаетесь — не станет ли он попрекать вас этим при каждой ссоре, нанося раны прямо в сердце?

— Сейчас вы молоды и красивы, у вас есть грамота на десять лет, и наверняка многие захотят взять вас в жёны. Но где гарантия, что после свадьбы муж не позарится на этот документ? Что он не начнёт помыкать вами, заставляя использовать милость властей ради его собственной карьеры?

— Только вот чин достанется ему, а не вам. Он получит деньги, вы же останетесь лишь его тенью, его придатком. А когда ваша красота увянет, он приведёт в дом молодую наложницу. Что тогда вы будете делать?

Чжао Юнь не понимала, зачем он говорит ей всё это, но от этих слов по её телу пробежал холод. Те надежды на тихую, безбедную жизнь, к которым она так стремилась, внезапно показались хрупкими и ненадёжными.

— Но ведь отец и мать... они наверняка найдут мне хорошего человека... — пролепетала она.

— Дева Чжао, не стоит тратить жизнь на проверку того, насколько «хорош» тот или иной мужчина. Вспомните хотя бы Чан Си. Вы ведь считаете его хорошим человеком?

— Конечно! — воскликнула Юнь.

Чан Си отомстил за ту, которую любил, и защитил её саму, когда они бежали из поместья Ванов.

— А если бы вы всем сердцем любили мужа, и он внезапно скончался, оставив на ваших руках престарелых родителей? Как бы вы поступили?

— Я бы... я бы заботилась о них, обеспечила бы им старость.

— А если бы захотели снова выйти замуж?

— Это было бы... бесчеловечно. Наверное, я бы не смогла так поступить.

Цзи Линьси горько усмехнулся.

— А наш брат Чан Си сейчас волен как ветер. Он покинул Юнчэн, который стал для него местом скорби, и вряд ли когда-нибудь вернётся. Он не станет заботиться о родителях той девушки, что потеряла жизнь. Пройдёт время, он женится, заведёт детей, а эта история останется для него лишь печальным воспоминанием молодости.

— В этом нет ничьей вины, дева Чжао. Просто мужское «хорошо» и женское «хорошо» — это разные вещи. Если вы не возьмёте свою судьбу в собственные руки, её возьмёт кто-то другой. И поверьте, результат не будет лучше.

— Будь я на вашем месте, я бы уже сейчас учился грамоте. Используя награду и этот документ, я бы искал иные возможности.

— Господин Линьси, я знаю, что вы желаете мне добра, но я никогда не касалась таких вещей... мне страшно.

— С грамотой от властей и сотнями ланов серебра — чего вам бояться? Эти десять лет обеспечат вам стабильный доход и возможности. Даже если вы ошибётесь раз или два — что с того? По крайней мере, вы наберётесь опыта, который сослужит вам службу в будущем. Тот молодой господин так старательно позаботился о вашей судьбе... было бы прискорбно просто выбросить этот дар.

— Впрочем, я сказал всё, что считал нужным. Если поразмыслив, вы всё же предпочтёте прежнюю жизнь — воля ваша.

Закончив свою речь, Цзи Линьси не стал задерживаться. Он вошёл в карету, задернул занавески и велел кучеру трогать. Чжао Юнь осталась стоять на месте, в смятении комкая платок и глядя вслед уходящему экипажу.

«Подняться... наверх?»

Она вздохнула, чувствуя, что такая жизнь не для неё. Но когда она повернулась, в памяти невольно возник образ того, как прилежен был Линьси, когда работал в их доме. Стоило ему закончить дела, как он тут же брался за книги и свитки. Даже в самый зной, когда пот заливал лицо и шею, он сидел, согнувшись над бумагами.

Именно поэтому юноша сегодня стал цзеюанем и едет в столицу. Быть может, там он снова встретит того сиятельного господина.

Если господин Цзи назовёт своё имя, тот наверняка обрадуется. При талантах Линьси они могли бы стать настоящими друзьями. Когда-то ей казалось, что после расставания в Юнчэне ни один из них троих больше не увидит Его Высочество — слишком велика была пропасть между ними. Но вот Линьси уже почти у цели.

Юнь остановилась и оглянулась. Кажется, теперь она начинала понимать, что он хотел ей сказать.

В карете Цзи Линьси мгновенно выбросил разговор с Чжао Юнь из головы. Глубина его чувств к ней была не больше рисового зёрнышка — то была лишь признательность другу, с которым они вместе прошли через беду. Дав ей этот совет, он полностью выплатил свой долг.

Его мысли уже летели к цели. Столица...

Стоило ему подумать о Чу Юе, как в груди поднялось томительное беспокойство. Он извлёк из-за пазухи нефритовую шахматную фигуру, заметно истончившуюся от постоянных прикосновений. Поездка ради места баньяня была лишь одной стороной дела.

Истинной же целью, заставлявшей сердце биться чаще, была жажда поскорее увидеть прекрасного господина и утолить мучительную тоску. Теперь его желание было близко к исполнению — даже раньше, чем он смел надеяться.

Молодой человек, впервые встреченный им в аптечной лавке, тихий и кроткий... Тот же образ в поместье Ванов, недостижимый в своём величии и болезненной хрупкости... Он же в ямэне префекта, с улыбкой прощающийся с ним... Каждый миг, каждый взгляд Линьси запечатлел в своей памяти и лелеял их день за днём.

Подчиняясь внезапному порыву, он прижал нефритовую фигурку к лицу, вдыхая воображаемый аромат. Линьси закрыл глаза, и его ярко-красный язык скользнул по холодному камню, а затем он проглотил его, смакуя, словно наконец получил возможность прикоснуться к красоте возлюбленного. Его лицо озарилось выражением упоения и безумной страсти.

<http://bllate.org/book/15344/1413414>